

УДК 39;902

М. Лиимола

Экспедиции Артура Каннисто к вогулам (манси) в 1901–1906 годах (пер. с нем. Н.В. Лукиной)¹

Аннотаци. Предисловие М. Лиимолы к первому тому многотомного издания «А. Kannisto – M. Liimola. Wogulische Volksdichtung» (Устное народное творчество вогулов) в переводе с немецкого языка Н.В. Лукиной. В ней дается краткое описание экспедиций финского исследователя Артура Каннисто к вогулам (манси) в начале XX века, перечень собранных им материалов по языку, фольклору и этнографии разных групп народа. Излагается также процесс обработки материалов и подготовки их к изданию самим Каннисто и его последователями.

Ключевые слова: вогулы (манси), экспедиции Каннисто, изучение языка и культуры, обработка и публикация материалов.

M. Liimola

The expeditions of Artur Kannisto to Vogul (Mansi) in 1901-1906. (Translated from German by N.V. Lukina)

Abstract. The foreword to the first volume of the multivolume edition of M. Liimola's "A. Kannisto – M. Liimola. Wogulische Volksdichtung" (Vogul folk poetry) in translation from the German language N.V. Lukina. The paper gives a short description of the expeditions of the Finnish researcher Artur Kannisto to the Voguls (Mansi) in the beginning of the 20th century. The Finnish researcher collected materials about language, folklore and ethnography of different local groups.

Keywords: Voguls (Mansi), expeditions of Kannisto, study language and culture, publication materials.

Юха Артуру Каннисто родился 12 мая 1874 г. в Кыльмэкоски, в семье крестьянина. После получения аттестата зрелости в 1893 г. он изучал в Хельсинкском университете финно-угорские языки, классическую филологию, фонетику, а также историю; в 1899 г. сдал кандидатский экзамен по философии. В 1919 г. стал лицензиатом философии, а в следующем году был назначен доцентом финно-угорского языкознания в Хельсинкском университете. Должность экстраординарного профессора по той же специальности он занимал с 1927 г. до конца жизни в 1943 г.

Свою научно-исследовательскую деятельность Каннисто начал в области финских диалектов и в 1897 г., на основе собственных собранных материалов, опубликовал статью о фонетике диалекта его родного и соседнего церковного прихода, а

в 1901 г. – ценное синтаксическое исследование о диалекте южного Хяме, около 300 страниц. Благодаря этим работам он получил практический опыт в работе с языковыми материалами, что имело большое значение для его будущей деятельности.

Настоящим делом всей жизни Каннисто стало изучение языка и культуры вогулов. В качестве стипендиата Финно-угорского Общества и руководства Хельсинкского университета он отправился в 1901 г. в многолетнее лингвистическое и этнографическое научное путешествие к вогулам и собрал там богатый материал, на котором основывались его последующие исследования. Останавливаться на этих исследованиях здесь нет возможности, и, напротив, уместно дать краткое описание путешествия и его результатов.

Родину Каннисто покинул 1 сентября

¹ Немецкий оригинал опубликован [1] в виде предисловия к тому А. Каннисто – М. Лиимолы [2]. В тексте М. Лиимолы встречаются названия опубликованных работ нескольких авторов, но без выходных данных; этот пробел по мере возможности восполнен мною, однако о двух работах А. Каннисто [3; 4] не удалось восстановить полные сведения (прим. пер.).

1901 г. Вначале он остановился в ингерманландском городе Хатсина, чтобы усовершенствовать свои знания русского языка. Отсюда он поехал через Пермь и Тюмень

в Тобольск, где пробыл три недели, чтобы в местном губернском музее и относящейся к нему библиотеке ознакомиться с историей и образом жизни вогулов.

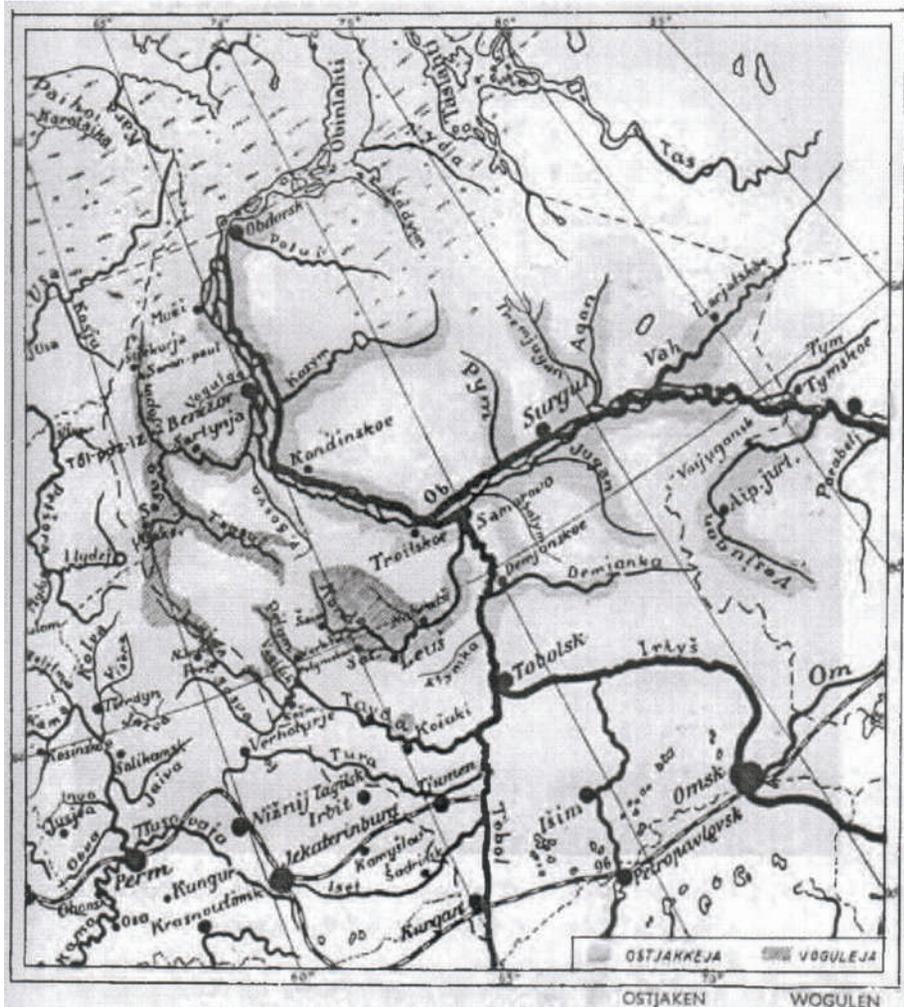


Рис. 1. Карта территории проживания вогулов и остяков

Каннисто решил начать собственно исследовательскую работу с вогулов Пелымки, относящихся к западным вогулам. Из Тобольска он в конце ноября отправился в русское село Пелым и собирал там лексический материал с помощью живущего в Торле Антона Ивановича Манзиркова, возрастом около 50 лет. Однако тому так надоело постоянное сидение в доме, что через три недели он сбежал. Теперь Каннисто понял, что для работы предпочтительнее было бы отправиться в непосредственную близость вогульских селений, и тогда он, хотя и под конец года, переехал в лежащее севернее на 75 км село Верх-Пелымск, со-

стоящее из двух дворов, где работал более двух месяцев. Жил на квартире у церковного служки, который был довольно образованным человеком.

С подходящими же информантами возникли трудности. Упомянутый выше Антон Манзирков, которого Каннисто снова пригласил к себе, показал себя таким раздражительным и ленивым, что уже через несколько дней с ним пришлось расстаться. Затем сотрудником выступал брат Антона – Иван, но он тоже оказался бесполезным. Собранием общины были выбраны двое информантов, которые были обязаны работать с Каннисто. Это были

20-летний Андрей Алексеевич Кузёмкин, который родился в дер. Вотьпа, провёл детство до 9 лет у своего отчима в дер. Заречная, а впоследствии жил в Вотьпе; и 57-летний Фёдор Фёдорович Муратков, который родился и постоянно жил в дер. Массаву. Вначале к работе был привлечён Андрей. Он обладал острым умом и вёл размеренную жизнь, в детстве даже не-

долго посещал школу, но в лесу утратил умение читать и писать. Андрей быстро привык к работе, так что сбор лексического материала стал успешно продвигаться. Впрочем, Каннисто удалось обнаружить в архиве церкви Верх-Пелымска две вогульские рукописи начала прошлого века, а именно, краткий перевод Катехизиса и одно из Священных преданий.



Рис. 2. Артур Каннисто во время работы с информантом, пелымским вогулом Фёдором Ебланковым

11 марта 1902 г. исследователь покинул Верх-Пелымск. Он отправился в деревни, лежащие севернее по этой реке, и намеревался вначале остановиться в Массаву. Но поскольку выбранный в информанты Фёдор Муратков был на охоте, Каннисто продолжил путь в самую северную деревню Вершина. Однако там условия для исследований были очень неблагоприятными. А именно, для него уже заранее был выбран информант, но он в это время был болен, так что из работы с ним ничего не вышло. И поскольку мужчины были на охоте, другого подходящего помощника в работе найти было невозможно; кроме того, условия пребывания были более, чем плохие, Каннисто через несколько дней счёл за лучшее вернуться в Массаву. Здесь записал от женщины, которая его везла,

две песни и несколько сказок. Но собственнo информантом ему служил тот же Фёдор Муратков, и с ним он прошёл словарный состав диалекта. Работа длилась два месяца с короткими перерывами из-за пьянства Фёдора и его временного участия в весенней охоте, важной для хозяйства вогулов.

Когда лёд растаял достаточно, чтобы можно было ехать на лодке по реке, Каннисто 21 мая покинул Массаву. Теперь он остановился в Вотьпе и в течение недели записывал там образцы речи. Это обеспечили ему Андрей Петрович Лялькин из той же деревни – один из лучших знатоков старинной народной поэзии на Пелымке, и Микита Степанович Муратков, который специально приехал из дер. Вершина, а также Семён из Вотьпы, под которым очевидно имеется в виду хозяин квартиры Семён

Алексеевич Тюлькин. Затем Каннисто переехал в Верх-Пелымск, где тоже задержался на неделю. Информантом здесь кратко указан Андрей, под которым вполне вероятно имеется в виду тот же Лялькин. Отсюда он хотел ближе познакомиться с диалектом дер. Заречная, который имел некоторые отклонения от диалекта Вотпы и Массавы. Затем он ненадолго посетил деревню, чтобы выяснить про информанта; и хотя ему обещали одного человека, но тот, несмотря на двукратный вызов, не явился, так что весь план остался неосуществлённым. 7 июня он покинул Верх-Пелымск и переселился в Пелым. На этом изучение вогулов Пелымки, длившееся более полугодя, было закончено.

Используя несколько дней в Пелыме для подготовки к путешествию, исследователь отправился к вогулам на Вагильске², западным соседям вогулов Пелымки, и выбрал в качестве опорного пункта деревню Сотникову. Здесь, а также в других деревнях на Вагильске, сильнее, чем на Пелымке, было заметно русское влияние; жители часто говорили по-русски и между собой. «Дворы выглядят плохо, некоторые совсем бедные. Всё – как в преддверии гибели; это носится в воздухе, а именно, в форме беззаботности, причиной которой является сомнение, вызванное предчувствием скорой гибели».

Вначале работа шла с помощью временных сотрудников, из которых следует упомянуть Василису Фроловну Перчинову, которая внесла свой вклад, наряду с прочим, в виде нескольких образцов речи. Затем собрание общины выбрало информантами Александра Фёдоровича Пирчина из дер. Заозерная, и 25 июня можно было начать с ним работу по сбору лексики. Но человек с самого начала оказался неподходящим, и уже через несколько дней Каннисто пишет о нём в дневнике: «Он оказался довольно ленивым. Он сердится, если нужно много раз повторять одну и ту же словесную форму; также и разные формы одного и того же слова он не хотел повторять. Если он сердит, то ворчит и отвечает, как оракул. Если

я спрашиваю о слове, которого он не знает, то он убегает, несмотря на мой запрет, чтобы спросить об этом у строителей. После обеда его самовольство переходит всякие границы, он бросает работу и ложится спать. Потом я отказался с ним работать. Мужчина пугается, умоляет помириться, ползая по полу, и поскольку я не соглашаюсь, приводит деревенского старосту, в присутствии которого затем торжественно клянётся исправиться. Мы миримся». Однако прежнее плохое настроение быстро возвращается, и поскольку Пирчин время от времени выпивал, то через месяц с ним пришлось расстаться. Затем обещал поработать Кондратий Романович Пирчин, однако, несмотря на договор, отказался от работы уже через три дня.

После этого Каннисто не видел другого выхода, как 28 июля покинуть дер. Сотникову, и теперь он нашёл другую деревню на Северо-Вагильске – Каму. Однако здесь обстоятельства тоже были неблагоприятными. Информантами служили Марфа Ивановна Лохтына, вдова, родившаяся в Вершине, маленьким ребёнком переехавшая в Тыню и попавшая в Каму благодаря замужеству, и старик Гаврил Семёнович Лохтын, родившийся в Заозерной, но усыновлённый в 13 лет бездетными жителями Камы. Однако они были не очень искусны. Правда, Марфа внесла свою долю загадками, сказками, одной песней судьбы и старыми традициями; в то время как Гаврил, кроме загадок, сообщил только названия мест и другие мелочи; впрочем, Гаврил знал и отрывки из медвежьих песен, но их нельзя было записать, так как, начав, он исполнял их до конца и потом не мог повторить в той же форме. Поскольку жители деревни, включая и информантов, крепко пили, работа не могла идти, как следует, так что исследователь вынужден был примерно через неделю отправиться дальше.

Он остановился в дер. Успина, чтобы пополнить записи фольклора от жителя, знатока старинных песен. Но поскольку тот по непонятным причинам уклонился

от участия в работе, поездку снова пришлось продолжить – до сильно русифицированной дер. Осье, на территории южного Вагильска. Каннисто прибыл туда 8 августа. Там полным ходом шёл сбор кедрового ореха, и потому время было малоподходящим для исследования языка. Поэтому ему с самого начала пришлось ограничить работу, которая и без того не могла быть здесь продолжительной, по возможности коротким сроком; и на деле он провёл здесь только три недели, в течение которых собирал лексический материал с Дорифеем Максимовичем Сухойковым. Из Осьи Каннисто выехал 28 августа и отправился к вогулам Нижней Лозьвы, где он остановился в Тансине.

Жители, за одним исключением, были вогулами, но уже сильно русифицированными, и из аборигенов только двое стариков говорили по-вогульски. Поскольку люди, если не работали на лугах, то пили, Каннисто был вынужден вначале взять на работу Якова Амеляновича Лахтына – молодого человека, приехавшего из Кюзины; правда, Яков тоже был подвержен пьянству, но недавно поклялся на медведе полгода воздерживаться от пьянства. С его помощью Каннисто за несколько дней бегло познакомился с диалектом названной деревни. Собственно информантом он взял Ермолая Савельича Ренькина, одного из двух жителей, говорящих по-вогульски. Это был самый старый мужчина в деревне, очень глухой, но в остальном полезный, другой был пьяница.

Исследованию этого диалекта Каннисто посвятил неполные три недели, затем 21 сентября поехал в Кюзину. Здесь он остался на три месяца. Вначале работал с Алексеем Васильевичем Лахтыным, который, впрочем, через неделю стал раздражительным и всё оставил. После этого информантами были Леонид Игнатьевич Лахтын, у которого мать была русская, а также Ефим Михайлович Лахтын, старик около 70 лет, и с их помощью был основательно пройден словарный запас диалекта. Образцы же речи здесь, как и в Тансине,

записаны не были.

22 декабря Каннисто покинул Кюзину и отправился вверх по Лозьве, в Пермскую губернию. Поскольку нижнелозьвинский диалект тех деревень, очевидно, не отличался от кюзинского, он здесь не задержался, а поехал сразу на Среднюю Лозьву и остановился в русской деревне Никито-Ивдель. Здесь Каннисто вначале занялся изучением среднелозьвинского диалекта. На нём говорили только три человека в деревне Першина, а именно двое старых мужчин и одна вдова среднего возраста по имени Анна Михайловна Бостанозика. Она стала информантом для Каннисто, и с её помощью он 1 января 1903 г. начал собирать лексический материал. Но результаты оставались весьма незначительными, ибо Бостанозика оказалась неспособной к длительной регулярной работе, и уже через три недели с ней пришлось расстаться.

Теперь наступила очередь верхнелозьвинского диалекта. Вогулы Верхней Лозьвы хорошо сохранили свою народность, и ни один из них не забыл свой язык; впрочем, они могли, глядя на молодёжь, в общем, говорить и по-русски, хотя их знания были довольно скудны. Самым значительным информантом была Маремияна Ивановна Укладова. Её место рождения не указано, во всяком случае, раньше она проживала в Лусмталах-пауле, а теперь жила со своей взрослой внебрачной дочерью в Никито-Ивделе, где зарабатывала на пропитание, главным образом, обработкой шкур. От неё он записал лексический материал и фольклор, позднее прошёл с ней весь собранный здесь материал. Другим, тоже немаловажным информатором была Татьяна Алексеевна Сотьинова, которая была знатоком языка у Мункачи. Она родом со Средней Лозьвы, но освоила и диалект Верхней Лозьвы; овдовев, она жила в Никито-Ивделе. С её помощью собран лексический материал.

Старинную народную поэзию, которая была здесь ещё жива, обеспечили Василий Алексеевич Укладов из Лусмталах-пауля, Прокопий Тимофеевич Бахтиаров

из Томпос-пауля, Никита Бахтиаров в Елесиной и Иван Микулаевич Нёрин. В конце марта – начале апреля Каннисто на оленях совершил двухнедельную поездку к вогулам, живущим по Верхней Лозьве и её притокам. Подобная поездка планировалась и на лето, но из-за непреодолимых трудностей из неё ничего не вышло. Зато в начале июля он совершил поездку во Владимировку, для участия в большом жертвоприношении вблизи деревни. Однако жертвоприношение не было проведено, потому что вогулы, за единственным исключением, не приехали на него.

Закончив с диалектом Верхней Лозьвы, Каннисто 20 августа покинул Никито-Ивдель и поехал на Тавду, к южным вогулам. Здесь тоже оказалось сильным русские влияние. В сообщении о поездке Каннисто пишет об этом так: «Их обычаи и воззрения выглядят сильно обрусевшими. От своей народности они едва ли сохранили что-то кроме языка, однако молодое поколение начинает забывать даже и его» [3]. Основным пунктом исследователь выбрал деревню Янычкову в приходе Кошук и изучал местный диалект с начала сентября до конца года. Информантом был Андриан Харитонович Матыков, которым Каннисто был очень доволен. Ему, правда, было уже 66 лет, но он был ещё крепким, почти не пил и даже умел читать. С его помощью был основательно пройден словарный запас диалекта. Наряду с этим было записано небольшое собрание текстов, его обеспечили только что упомянутый Андриан Матыков и Матвей Андрианович Матыков, а также Алёна Филипповна Матыкова родом из Гузеевой, но вышедшая замуж в Янычково.

Отсюда Каннисто делал короткие выезды в Шайтанское, где записал несколько образцов языка от Анисима Фёдоровича Есенбаева. 27 декабря исследователь поехал в Большое-Чандури, расположенное в 25 верстах, чей диалект немного отличался от Янычково. Здесь он больше месяца собирал лексический материал с помощью 30-летнего Логана Сидоровича

Костина. Затем он вызвал к себе вышеупомянутого Андриана Матыкова, и десять дней работал одновременно с обоими информантами, чтобы лучше сравнить звуковой состав двух диалектов. Образцов речи записал немного, а именно от жены Логана Татьяны Ерасимовны, от Аксины Ивановны Костиной родом из Шайтанской и вышедшей замуж в Большие-Чандури, и от молодой Зеновьи Егоровны Костиной.

В середине февраля Каннисто ездил ненадолго в дер. Городок прихода Табари, где один старик ещё говорил по-вогульски, а именно на диалекте, который имел отклонения от двух уже изученных. Он действительно нашёл старика и ещё одного человека, но поскольку их знание языка были незначительным, продолжительная работа с ними была нецелесообразной.

С Тавды Каннисто переехал в Тобольск, где жил 10 дней и, среди прочего, в архиве Духовной Консistorии собрал данные о численности вогулов. В музее древностей Епископства он нашёл две рукописи: перевод на вогульский предписаний относительно инородцев и перевод на остяцкий Евангелия от Матфея.

В начале марта исследователь отправился на Конду, где жили восточные вогулы. Здесь численность вогулов была больше и язык более живой, чем на Пелымке, Вагильске, Нижней Лозьве и Тавде. Также и большинство русских бегло говорили по-вогульски, а старшие предпочитали его при обсуждении охоты, рыбалки, также и в разговорах между собой. Однако, с другой стороны, молодое поколение вогулов в Нахрачах частично было уже русифицировано. Вначале Каннисто поселился в селе Нахрачи на Нижней Конде и работал там почти полгода. Квартиру он получил у богатого русского купца. Также ему удалось сразу же найти хорошего информанта в Ефиме Захаровиче Пакине, возрастом около 50 лет (правда, у него была ошибка в речи, он произносил s вместо š). С ним Каннисто основательно прошёл словарный запас диалекта. Под конец работа Ефиму надоела, и тогда две недели работа продолжилась

с Платоном Еграфовичем Поповым, который был русским, но говорил по-вогульски так же хорошо, как Ефим. Кроме того, в течение месяца у него работал Афанасий³ – замечательный исполнитель преданий, благодаря ему от него записано значительное количество текстов, и прежде всего, военные и героические сказания.

Затем в начале сентября исследователь переехал на 110 км выше по Конде, в село Леуши, где изучал диалект Средней Конды. Поскольку он не сильно отличается от диалекта Нижней Конды, лексическая

работа велась по укороченной программе, информантом при этом выступал Андрей Иванович Юткин из Леушей. Значительно пополнились образцы речи; их поставлял, прежде всего, только что упомянутый Афанасий, в меньшей степени Семён Алагулов из дер. Пашня и Андрей Юткин, а также Василий Иванович и Степан Михайлович Кравченковы, чьи родные селения не указаны. Почти все полученные таким образом тексты затем были проработаны с Андреем Юткиным.



Рис. 3. Кондинские вогулы из дер. Пашня; второй слева – информант Семён Алагулов

Работа в Лушах закончилась в начале января 1905 г., и время с 5 по 22 января исследователь провёл в селе Сатыга, в 70 верстах западнее Леушей, где он собирал, главным образом, данные о численности вогулов и образцы речи; последние ему поставлял, среди прочих, Филипп Федотович Лосвенков из Евры, Василий Васильевич Немотоп из Самьюпауля, Василий Васильевич (вероятно, идентичен предыдущему), Наталья Егоровна Картина, родом из Рахтпауля и вышедшая замуж в Евру. Большая часть записанных здесь образцов, впрочем, была опущена из издания текстов (см. ниже).

Отсюда он переехал в село Шаим, лежащее в 106 верстах севернее, где он вна-

чале несколько дней записывал тексты от вышеупомянутого Андрея Ивановича Юткина. Основным информантом стал Павел Семёнов⁴, у которого он собирал почти исключительно лексический материал. Поскольку диалект Верхней Конды содержал мало нового, он закончил работу уже в конце февраля. Затем он совершил ещё круговую поездку к вогулам, живущим по притокам Конды, для сбора этнографических предметов. На большей части объезженной территории свирепствовала опасная эпидемия оспы, сделавшая невозможной длительное пребывание.

Утомительная работа, проходившая в трудных условиях, и зачастую недостаточное питание в эти годы настолько подо-

рвали силы исследователя, что он счёл за самое разумное после окончания исследований у вогулов Конды ненадолго съездить на отдых в Финляндию.

В Финляндии Каннисто провёл неполные четыре месяца и 29 июля отправился снова в Сибирь, на этот раз к северным вогулам, в Берёзовский округ. В поездке, в архивах Перми, Екатеринбурга и Тобольска он провёл сбор данных о численности вогулов и остяков.

Из Тобольска он продолжил поездку через Берёзово в село Сартынья на Нижней Сосьве, которое выбрал в качестве местожительства. Квартиру получил у русского купца. Здесь только немногие вогулы говорили по-русски, но, несмотря на это, ему сразу удалось найти хорошего информанта – Семёна Вингалева, вогульского деревенского старосту, и сбор лексического материала можно было начать уже в середине сентября. Однако через три недели

семья Семёна заболела тифом, который свирепствовал здесь уже более года, и из предосторожности работа с ним была прекращена. После этого Каннисто записывал фольклор от дяди Семёна – 70-летнего Савелия Вингалева, который, впрочем, был староват для информанта, и от Константина Атьина⁵. Когда снова началась работа с Семёном, он стал ленивым и вскоре отказался продолжать работу. Затем новым информантом был взят 30-летний Семён Васильевич Пакин из Резимовой, и им Каннисто был очень доволен. Теперь работа продолжалась с небольшими перерывами до начала следующего года, при этом был основательно пройден словарный запас и наряду с этим записан также фольклор. Прекрасную группу текстов предоставил Яков Николаевич Тасманов из Халпауля, в то время как Василий Ендеров⁶ сделал вклад только несколькими образцами.



Рис. 4. Сосьвинский вогул Савелий Вингалев с женой перед своей избушкой

В эту вторую поездку Каннисто взял фонограф, и здесь записал на него 113 мелодий. Кроме того, была собрана новая часть вогульской мифологии, особенно по жертвенным и медвежьим церемониям; так, например, исследователь дважды мог участвовать в медвежьем празднике, кото-

рый здесь всё ещё устраивался после добычи почти каждого медведя.

В январе-феврале 1906 г. в так называемое «русское, или ясачное время» он вместе со сборщиками ясака совершил длительную поездку по территории проживания сосьвинских вогулов, для сбора

⁵. Более подробные сведения о нём отсутствуют. Возможно, под ним имеется в виду Павел Семёнович Капин, который, согласно подготовленному Каннисто списку жителей, жил в дер. Турсунпауль.

точных данных о численности вогулов и этнографических предметов.

После изучения всех основных вогульских диалектов Каннисто решил переехать в Туринский округ для проверки своих языковых материалов, собранных в начале научного путешествия 1901–1902 гг. Итак, он поехал через Берёзово и Тобольск в Верх-Пелымск, куда прибыл 5 июля. Здесь он работал более двух месяцев с вышеназванным Андреем Кузёмкиным и Андреем Лялькиным, а также с Фёдором Лепифановичем Ебланковым, новым информантом из Вершины. С Кузёмкиным

и Ебланковым он бегло прошёл лексический материал пелымского диалекта, а от Лялькина и Ебланкова записал приличное собрание народной поэзии, можно сказать, все их старинные песни. Кроме того, на фонограф было записано около 20 мелодий. В середине сентября Каннисто переехал в с. Пелым. Туда из дер. Кама прибыл в качестве информанта Иван Гаврилович Лохтыин, с которым были проверены записи диалекта Северо-Вагильска. Затем сюда был вызван информант с Нижней Лозьвы, который, однако, не прибыл в установленное время.



Рис. 5. Пелымский вогул Андрей Лялькин в охотничьем снаряжении

На этом изучение вогульского языка было закончено, и когда открылся зимний путь, 11 ноября Каннисто покинул Пелым. Однако он не поспешил сразу в Тобольск, а поехал через территорию живущих на Конде вогулов и остяков, чтобы пополнить свою этнографическую коллекцию. Путешествие было трудным, но компенсацией было собрание, оказавшееся неожиданно большим, особенно его остяцкая часть.

После этой поездки Каннисто еще на две недели остался в Тобольске и ждал сво-

его сосьвинского информанта, которого хотел взять с собой в Хельсинки для исследования фонетики; в это время он собирал в архиве Епископата данные о численности вогулов и остяков. Когда стало известно, что информатор заболел, 14 декабря он выехал на родину, куда прибыл 22 декабря 1906 г. – через 5 лет и 4 месяца после начала первого путешествия.

Из экспедиций Каннисто привёз домой богатую добычу. В отчёте, предоставленном Финно-угорскому Обществу [4, 7-8], он описывает это следующим образом: «В

результате моего пятилетнего путешествия, во-первых, я получил собрание слов – собранных по более ограниченному или более обширному плану – из одиннадцати, более или менее сильно различающихся диалектов. В целом я использовал около 30 000 карточек заглавных слов форматом в восьмую долю листа. Я считал необходимым в каждой словарной статье, наряду с лексической формой, приводить важнейшие формы склонения соответствующей парадигмы, а также многочисленные примеры употребления значений парадигмы и её различных форм в связной речи; итак, моё собрание лексики даёт также богатый синтаксический материал. При систематической лексикографической работе я получил одновременно подробные сведения о внешней и духовной жизни вогульского народа – занятиях, жилище, одежде, экономических и социальных отношениях, обычаях и обрядах, развлечениях и религиозных представлениях. Разные виды народной поэзии и другие образцы языка представлены приблизительно 60-ю печатными листами, не считая переводов, а также «Языковых и предметных объяснений». Собрано с помощью фонографа около 150 мелодий на Сосьве, Пелымке и Конде; более 200 фотографий, удавшихся в разной степени. Этнографических предметов для антельской коллекции и Тавастинского сельского музея я собрал около 650 номеров. О численности вогулов в различных районах я изготовил по возможности точные списки, при этом учитывал численное соотношение жителей, владеющих вогульским языком и полностью русифицированных. Кроме того, в Епископствах Тобольска и Екатеринбурга я частично собрал сам, частично поручил собрать сведения о численности вогулов и остяков за период последних полутора веков. Две рукописи, обнаруженные мною в церковном музее древностей Тобольского епископства, я скопировал».

После возвращения Каннисто не имел возможности готовить к изданию материалы своих экспедиций. Только в рамках

осуществлённой по его инициативе издательской программы Финно-угорского Общества он мог посвятить этой работе время и силы. Однако ему посчастливилось увидеть публикацию одной небольшой части материалов, а именно, мелодий, которые вместе с собранными К.Ф. Карьялайненом остяцкими мелодиями были опубликованы в 1937 г. А.О. Вайсяненом в работе «Вогульские и остяцкие мелодии» [5]. В остальных частях работа, которой сильно помешала начавшаяся в 1939 г. война, осталась незаконченной.

Затем издание языковых материалов Финно-угорское Общество поручило автору этих строк, который много лет работал в качестве помощника Каннисто и при этом мог познакомиться с его материалами.

Обработку языковых материалов Каннисто начал с собрания текстов, первый том которых сейчас выходит из печати. В собрании представлено большинство диалектов. Старинное устное народное творчество лучше всего сохранилось у северных вогулов, и соответственно, сосвинская часть текстов является наиболее обширной и многосторонней.

Все образцы речи при сборе записывались на карточки в четверть листа; сосвинская часть составляет 970 пронумерованных карточек и содержит предания о духах и мифических существах, молитвы, шаманские песни, медвежьи песни, медвежьи сценки, военные и героические сказания, песни судьбы, загадки и т. д. Верхнелозьвинская часть – тоже разносторонняя, но значительно меньше, она состоит «только» из 342 карточек. Самое большое собрание – с Конды, в целом оно охватывает 1601 карточку. Часть из них, всего 128 карточек, содержащих 13 записанных в Сатыге образцов речи, Каннисто сам отделил от остальных и как неясный материал убрал перед публикацией. Для кондинского собрания характерны особенно длинные военные и героические сказания, в то время как в нём – только несколько медвежьих песен и медвежьих сценок. У западных во-

гулов старинная народная поэзия частично была уже забыта. Впрочем, на Пелымке Каннисто удалось собрать разностороннее собрание, содержащее 268 карточек, однако на диалекте Северо-Вагильска были записаны только старинная песня, две сказки и несколько загадок – всего 23 пронумерованных карточек⁷ [7], а с Южного Вагильска, как и со Средней и Нижней Лозьвы, вообще не имеется образцов речи. Также и на Тавде старинная песня почти умолкла, и поэтому Каннисто собрал там мало текстов, всего 151 пронумерованные карточки, содержащие, в основном, сказки и загадки. К собранию текстов были добавлены небольшие части из лексического материала. Они содержат некоторые краткие молитвы и отрывки из песен, а также сведения о духовной и внешней жизни вогулов. Согласно плану Каннисто, важнейшие из них были взяты в издание текстов.

При обработке собрания первым действием было изготовление копии вогульского текста. Разумеется, он был записан в черновой транскрипции, но затем транскрипция проверялась, обычно с помощью другого информанта. В копию Каннисто вносил некоторые изменения транскрипции; но больших изменений, как он объяснял автору этих строк, избегал, хотя из-за этого в транскрипции осталась некоторая неодинаковость и непоследовательность. С полученной таким образом рукописи изготовлялся набор, и у Каннисто было ещё время вычитать корректуру. При этом он вносил небольшие изменения, так что одобренная им форма не полностью совпадала с рукописью. Здесь особенно следует подчеркнуть, что часть образцов речи, прежде всего, кондинских, имеют параллельно два вогульских текста А и Б, представляющих два немного различающихся диалекта. Один представляет собой оригинал записи, а другой – форму, проверенную с помощью другого информанта; например, № 1 в данном томе текст А принадлежит Афанасию, а текст Б проверен с Андреем Ивановичем Юткиным. Текст А издан без изменений, даже описки не исправлялись,

и только если слово в записи дано сокращённо, то недостающая часть добавлена в квадратных скобках.

Поскольку в экспедициях Каннисто только часть текстов перевёл с соответствующими информантами, теперь его важнейшей задачей стал перевод всего собрания на финский язык. Затем перевод был проверен и одновременно были внесены комментарии – языковые и содержательные. Он намеревался провести ещё подробную сравнительную проверку, но этот план не смог осуществиться из-за начала войны. Дело в том, что автор этих строк был призван на военную службу, а в одиночку Каннисто был не в состоянии заняться такой большой работой. Зато финский текст уже при жизни Каннисто был переведён на немецкий язык, и он ещё имел возможность обсудить работу, особенно с переводчиком, проф. доктором Густавом Шмидтом.

Согласно плану Каннисто, тексты, в зависимости от содержания, следовало издать в шести томах. В I том должны войти тексты мифического содержания, во II том – военные и героические сказания, в III том – сказки, в IV том – медвежьи песни, в V том – сценки медвежьего праздника и призывные песни духов на медвежьем празднике, в VI том – песни судьбы, причитания и памятные слова, детские стихи, загадки и разное. Итак, группировка текстов была выполнена ещё самим Каннисто. Это была его последняя работа.

Как следует из сказанного, Каннисто очень далеко продвинулся в подготовке собрания текстов. Задачей автора этих строк было завершение работы по принципам, которым следовал Каннисто, и с точным соблюдением его взглядов. Об этой работе следует кратко заметить следующее.

Поскольку Каннисто ещё при корректуре смог принять последнее решение по вогульским текстам, автор этих строк оставил их без изменений и исправлял только ошибки при написании и наборе. Правда, он позволил себе внести некоторые изменения в транскрипцию, но только там, где Каннисто сам не внёс эти изменения,

очевидно, по недосмотру; также и в этих случаях речь идёт, собственно, об описках. Только немногие образцы речи, взятые из лексических материалов, издатель сам подготовил к печати. Подробное объяснение транскрипции читатель найдёт в труде Каннисто «К истории вокализма первых слогов в вогульском языке с качественной точки зрения» [6, IX-XV].

В финском переводе Каннисто стремился к наибольшей точности, но так, чтобы при этом не пострадала ясность. Перевод в целом – дословный, и в нём сохранены характерные для вогульского языка выражения. Там же, где ради понятности нужна была более свободная передача, точный перевод приведён в комментариях.

Эти же принципы соблюдались издателем при обработке немецкого перевода. Но поскольку немецкий язык не так хорошо подходит для перевода вогульских текстов, как финский, он чаще должен был довольствоваться более свободной передачей. Отдельно здесь нужно выделить перевод песен. В связи с порядком слов и предложений в немецком языке зачастую невозможно перевести их на понятный немецкий, если точно соблюдать порядок стихов оригинала. Эту трудность в большинстве случаев избежали благодаря тому, что при переводе порядок строк стиха изменён, и первоначальный порядок строк указан номерами, поставленными перед стихом. Однако если отдельные слова попали в другой стих, то это отмечено в комментариях. Этот приём, впрочем, использовал уже В. Штейниц в своём труде «Остяцкая народная поэзия и рассказы» [7; 8].

При сверке немецкого перевода автор этих строк, разумеется, привлекал в помощь лексические материалы Каннисто, а в неясных и неуверенных местах, кроме того, прибегал к собранию текстов Берната Мункачи [9; 10; 11; 12; 13] и к остяцким источникам. Здесь особенно следует подчеркнуть, что со времени первой сверки, проведённой под руководством Каннисто, вышло два труда, принесших большую пользу автору этих строк. Это вышеупо-

мянутое собрание текстов «Остяцкая народная поэзия и рассказы» В. Штейница и остяцкий словарь К.Ф. Карьялайнена, изданный Тойвоненом [14].

В перевод Каннисто издатель вносил изменения очень осторожно. Однако способы выражения кое-где немного уточнены и исправлены. Явные ошибки – последствия неточностей при чтении или подобных недоразумений – исправлялись без особых пометок в каждом случае. И, напротив, в тех местах, где взгляды Каннисто и издателя существенно различались, добавлялся комментарий.

Определённые трудности при работе были вызваны тем обстоятельством, что финский перевод и вогульский текст в некоторых местах имели разную пунктуацию. Эти различия объясняются тем, что рукопись вогульского текста и перевод Каннисто готовил отдельно, а именно, на основе вогульского оригинала записи, и при этом соответствующие места понимал немного по-разному. Издатель исправлял эти различия, в каждом отдельном случае – по собственным соображениям. Соответственно, в финском переводе деление стиха в некоторых местах другое, чем в вогульском тексте. Здесь автор этих строк перенёс в немецкий перевод деление стиха оригинала.

Комментарии по языку и содержанию, написанные под руководством Каннисто, издатель немного расширил и увеличил. Эти добавления особо не отмечены, если они взяты непосредственно из собрания или исследований Каннисто, или если они содержат полученные из новых источников добавления к остяцким словам, приведённым Каннисто. Если же автор этих строк один отвечает за добавление в имеющемся комментарии, то оно даётся в скобках: г...г. В русских словах были исправлены только явные орфографические ошибки.

К вогульским текстам иногда примыкает интонационная кривая. По типографическим причинам эта кривая приведена в конце данного тома, на страницах 482-483. В соответствующем месте текста дан

номер кривой, и наоборот: после кривой стоит номер страницы, где находится соответствующее место текста. Например, кривую, относящуюся к слову *täis* на с. 40, строка 15, читатель найдёт на с. 482, строка 9 сверху; и наоборот: последняя кривая на с. 483 относится к предложению на с. 478, строка 18 сверху.

В заключение автор этих строк хотел бы вы высказать самую горячую благодарность всем тем, с чьей помощью собрание текстов продвинулось до готовности к публикации. В первую очередь здесь следует назвать фрау Ойву Каннисто, которая с самого начала неутомимо помогала в обработке языковых материалов. Она переписывала вогульские тексты образцов речи, помогала при их вычитке и изготовила чистовой экземпляр перевода, а также часть комментариев. В переписывании набело и, соответственно, корректуре помогали также канд. фил. Тутти Каннисто и д-р Вэйно

Каннисто, за что их следует поблагодарить. Заслуженную работу выполнили проф. д-р Густав Шмидт, до которого, впрочем, не дойдёт это благодарственное слово, и д-р Д.Р. Фукс в подготовке немецкого перевода. Первый выполнил перевод текстов с Тавды, Пельмки, Вагильска, Верхней Лозьвы и Сосьвы, а также относящиеся к ним комментарии; последнему обязаны переводом текстов с Конды. Проф. Шмидт, кроме того, вычитал часть переводов, после чего они были проработаны автором этих строк. Далее – благодарность преподавателю С.А. Виллербранду, с которым автор этих строк обсуждал отдельные места немецкого перевода I тома, и который перевёл Предисловие и помогал при вычитке корректуры. Проф.-д-р Яло Калима проверил русские слова в комментариях этого тома, за что также заслуживает сердечной благодарности.

Хельсинки, октябрь 1951 г.

¹ Немецкий оригинал опубликован [1] в виде предисловия к тому А. Каннисто – М. Лиимолы [2]. В тексте М. Лиимолы встречаются названия опубликованных работ нескольких авторов, но без выходных данных; этот пробел по мере возможности восполнен мною, однако о двух работах А. Каннисто [3; 4] не удалось восстановить полные сведения (прим. пер.).

² Здесь и далее Лиимола, следуя записям Каннисто, приводит названия реки: «Вагильск, Северо-Вагильск, южный Вагильск». Река Вагильск (*Vagilsk*) имеется и на карте Каннисто (см. рис. 1). На современных картах – это река Вагиль, левый приток Тавды между Лозьвой и Пельмом (прим. пер.).

³ О личности Афанасия нет никаких данных. Представленный им диалект образует, так сказать, переходную форму между диалектами Нижней и Средней Конды. Система фонем подобна таковой в диалекте Нижней Конды, в то время как консонатизм обнаруживает чередование $\check{s} > s$. См., например, молитву 102, с. 316–317, где текст А записан в произношении Афанасия, а текст В – в произношении Платона.

⁴ Более подробные сведения о нём отсутствуют. Возможно, под ним имеется в виду Павел Семёнович Капин, который, согласно подготовленному Каннисто списку жителей, жил в дер. Турсунтауль.

⁵ Он умер во время пребывания Каннисто в Сартынье, см. MSFOu. LXXIII S. XXXII.

⁶ Местожительство этих информантов не указано. Согласно списку жителей Каннисто, в Халпауле жило много Тасмановых, например, Василий Николаевич Тасманов, у которого было два брата. Одним из братьев мог быть Николай Тасманов. В списке по Анье приводятся многие Энтер, среди прочих, два Василия Энтер. Возможно, один из них идентичен с информантом Василием Ендыровым.

⁷ Кроме того, в конверте, отдельно от приготовленных к изданию текстов, имеется языковой материал диалектов Пельмки и Вагильска, всего около 200 карточек в четверть листа. Он был записан в первой экспедиции и содержит образцы различных слов и текстов. Из последних одна часть – не до конца обработанные отрывки, а другая часть позднее была переписана с помощью другого информанта, и эти новые версии Каннисто затем включил в издание текстов.

Литература

1. Liimola M. Vorwort // *Vogulische Volksdichtung*. Gesammelt und übersetzt von Arturri Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Band I. Texte mythischen Inhalts (*Mémoires de la Societe Finno-Ougrienne*. 101). Helsinki, 1951. S. XI–XXXV.

2. Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Arturri Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Band I. Texte mythischen Inhalts (Mémoires de la Societe Finno-Ougrienne. 101). Helsinki, 1951.

3. Kannisto A. // Journal de la Societe finno-ougrienne. 1907. XXIV. 3.

4. Kannisto A. // Journal de la Societe finno-ougrienne. 1908. XXV. 5.

5. Wogulische und ostjakische Melodien: phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K.F. Karjalainen, herausgegeben von Väisänen (Mémoires de la Societe Finno-Ougrienne. 73). Helsinki, 1937. 377 S.

6. Kannisto A. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt (Mémoires de la Societe Finno-Ougrienne. 46). Helsingfors, 1919.

7. Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Tartu, 1939. Bd. I.

8. Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Stockholm, 1941. Bd. II.

9. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1892–1902. I.

10. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1892. II/1.

11. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1892–1921. II/2.

12. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1893. III/1.

13. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1896. IV/1.

14. Karjalainen K.F., Toivonen Y.H. Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948. Bd. I–II.

References

1. Liimola M. Vorwort // Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Arturri Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Band I. Texte mythischen Inhalts (Mémoires de la Societe Finno-Ougrienne. 101). Helsinki, 1951. S. XI–XXXV.

2. Vogulische Volksdichtung. Gesammelt und übersetzt von Arturri Kannisto. Bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Band I. Texte mythischen Inhalts (Mémoires de la Societe Finno-Ougrienne. 101). Helsinki, 1951.

3. Kannisto A. // Journal de la Societe finno-ougrienne. 1907. XXIV. 3.

4. Kannisto A. // Journal de la Societe finno-ougrienne. 1908. XXV. 5.

5. Wogulische und ostjakische Melodien: phonographisch aufgenommen von A. Kannisto und K.F. Karjalainen, herausgegeben von Väisänen (Mémoires de la Societe Finno-Ougrienne. 73). Helsinki, 1937. 377 S.

6. Kannisto A. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt (Mémoires de la Societe Finno-Ougrienne. 46). Helsingfors, 1919.

7. Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Tartu, 1939. Bd. I.

8. Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Stockholm, 1941. Bd. II.

9. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1892–1902. I.

10. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1892. II/1.

11. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1892–1921. II/2.

12. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1893. III/1.

13. Munkácsi B. Vogul Népköltési Gyűjtemény. Budapest, 1896. IV/1.

14. Karjalainen K.F., Toivonen Y.H. Ostjakisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1948. Bd. I–II.